

КРИТИКА ЧИСТОГО КАНТА

Майборода Дмитрий Владимирович

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук,
Минский государственный лингвистический университет

Аннотация. Действительные границы и возможности кантовской программы устанавливаются в философском диалоге-традиции, в которой происходит соотнесение этой программы с другими программами, а также ее отнесение к другим уровням бытия и координация разных способностей, программируемых ею (в первую очередь разума и знания с верой и интуицией). При этом невозможно игнорировать историко-философский анализ по принципу «относись и к себе, и к Другому как к самозначимым и взаимно важным».

Ключевые слова: Кант; разум; философия; диалог; значимость.

CRITIQUE OF PURE KANT

Maiboroda Dmitry V.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Sciences, Minsk State Linguistic University

Abstract. The real boundaries and possibilities of the Kantian program are established in the philosophical dialogue-tradition, in which there is a correlation of this program with other programs, as well as a relation of it with other levels of being and a interaction of various abilities programmed by it (primarily reason/knowledge and faith/intuition). At the same time, it is impossible to ignore historical and philosophical analysis according to the principle “treat both yourself and the Other as self-significant and mutually important”.

Key words: Kant; reason; significance; philosophy; dialogue.

Для философа, говорящего о Иммануиле Канте, есть два соблазна. Первый – сводить Канта к важному явлению в истории философии и культуры. Это – соблазн сведения философии к переосмыслению философской традиции. Негативная сторона этого подхода – в том, что он «дезактивирует» Канта, музеефицируя его.

Другой соблазн – рассматривать Канта как некую отвлеченную от истории систему идей, важную для актуального философствования. Это – соблазн сведения философии к чистой метафизической спекуляции. Такой взгляд пренебрегает историческим и жизненным контекстом возникновения

философии Канта, что лишает ее жизненности и конкретности, а это зачастую выливается в попросту неверные трактовки его идей.

К выделению такого «априорного» Канта более всего склонны философы-теоретики, которых в разных аспектах можно было бы назвать «фундаменталистами» (потому что они ставят вопросы о самых главных основах или самой сути), «структуралистами» (поскольку они пытаются выявить важнейшие структуры нашего опыта), «гносеологами / эпистемологами / методологами» (так как они сконцентрированы на вопросах познания / науки / метода). Я постараюсь тут развить эту точку зрения на Канта, чтобы показать ее ограниченность и то, что верным было бы не разрывать Канта-явление и Канта-самого-по-себе. Этот проект анализа возможностей и границ принципиальной работы кантовской программы с известной провокационностью тут назван «критикой чистого Канта» (без кавычек на слове «чистый» по тем же основаниям, по которым их нет и в наименовании известного произведения Канта «Критика чистого разума»). Конечно, такая критика – сложное и масштабное предприятие, которое здесь вполне осуществлено быть не может, – я ограничусь лишь рядом замечаний, имеющих, как мне кажется, принципиальное значение.

Сразу стоит отметить, что кантовская программа может быть названа и иначе – «философией Канта» («теорией Канта», «кантовскими концепциями» или «идеями Канта»), «кантовской культурой мышления» или «духом Канта». Каждое из этих имен предопределяет несколько иную трактовку этой программы, причем, строго говоря, следовало бы разводить эти описания как взаимно дополнительные. Я далее буду рассматривать «чистого Канта» как программу, показывая, что это описание само по себе недостаточно.

Границы и возможности кантовской программы – то, где именно она работает и может работать по праву, а где она не работает или не должна работать (хотя может использоваться неоправданно). Но тут есть существенный нюанс. Кант определяет границы произвольно из собственного языка и культуры. Должен ли читатель сегодня признавать именно те границы работы кантовской программы, которые установлены самим Кантом? Даже если бы мы ответили утвердительно, все равно каждый читатель проводил бы повторное межевание из собственного жизненного контекста. К примеру, современный человек может не согласиться с тем, что пространство и время – априорные формы чувственности, мыслимые как чистые субстанции. Тем самым в этой части мы ограничиваем применение кантовской программы к своему знанию.

Тут стоит вообще обратить внимание на то, как принципиально Кант ориентирован на Другого. С одной стороны, программа Канта – это часть духовной жизни определенного человека, и как некоторый внутренний аспект вещи-в-себе она остается в своей сути непознаваемой для всякого Другого. Следуя кантовскому агностицизму, следует ограничиться только анализом только ряда письменных проявлений Канта, что есть историко-философским исследованием его наследия.

С другой стороны, Кант претендует на универсальную значимость своих концепций (по крайней мере, в отношении всякого разумного Другого). То, как это согласуется с агностицизмом можно прояснить через аналогию с шахматами (учитывая, что эта аналогия фундаментальна для структуралистского взгляда со времен Фердинанда де Соссюра). Кант подобен учителю шахмат, который объясняет правила игры, запрещая спрашивать, как они обоснованы и установлены, можно ли их оценивать и изменять. Также исключены предположения о том, что именно думает соперник и вообще каков его жизненный мир (индивидуальность, духовность и т. д.), – значение имеет лишь то, как он технически может «ходить» и как он в реальности «ходит». Тем более нельзя думать о том, какое значение имеет партия, кто наблюдает за ней, каково отношение шахмат и других игр и пр. Исключение метафизики шахмат – основа обучения игре. Аналогично и критика познания и практики для Канта подразумевают исключение метафизики чтобы сосредоточиться на определении их оптимальных правил. Кант подразумевает, что точное установление наилучших правил познания и практики будет признано любым разумным существом, то есть что кантовская программа сама установит свою значимость благодаря своим достоинствам. Или, по крайней мере, что эта инструкция будет источником еще более точных последующих уставов познания и практики.

Однако кантовская программа не стала ни самозначимой, ни основанием некоей производной значительной программы, развивающей установления кантовской. В отличие от шахмат, правила которых сохраняются длительное время (изменения, принятые ФИДЕ 1 января 2023 г. не затрагивают основных правил), философия сильно изменилась благодаря Гегелю, Марксу, Кунту и Ницше. А потому без возвращения к метафизическим постулатам следовало бы сказать, что граница кантовской программы историческая, то есть что она ушла в историю и может изучаться как историко-философский предмет.

Вместе с тем элементы кантовской программы остаются влиятельными как сами по себе, так и через влияние на другие значительные программы. Тут уже разумно опираться не на структуралистскую метафору шахмат, а на постструктуралистскую метафору сети (ризомы). Кантовская программа сохраняется как самостоятельный узел этой сети, связанный как с другими узлами, так и порождающий новые придатки (которые равно могут образовать новые узлы или отмереть). Несмотря на то, что эта схема описывает влияние кантовской программы лучше, чем структуралистская, в ней остается существенная трудность, ее абстрактность.

Действительные границы и возможности кантовской программы обнаруживаются не в некоторой идеализации, а устанавливаются в реальном философствовании. Человек в его реальной жизненной ситуации определяет, насколько он готов принять кантовскую программу или ее отдельные алгоритмы (например, агностицизм без априоризма или наоборот). Это не значит полного волюнтаризма реципиента кантовской программы, хотя и это как исключение возможно (подобно неприятию героя повести «Записки из подполья» Достоевского математического выражения «дважды два четыре»). Границы и возможности кантовской программы устанавливаются в философском диалоге со свойственными ему особенностями. В частности, учитывая, что этот диалог – традиция, то есть форма общения, при которой ответ Канту становится обращением к другим философам, – ныне живущим или будущим. И, конечно, в этом Кант не специфичен, – такова же значимость любой философской программы.

Последнее замечание, которое стоит сделать, – то, что границы и возможности программы никогда не могут быть установлены лишь изнутри самой этой программы (в том числе и разум не может полностью установить границы своей применимости). Установка этих границ прямо подразумевает взаимодействие с тем, что находится за этими границами (для программы – с другими программами и выходящими за пределы идеального, но испытывающими его влияние уровнями бытия, для программируемых способностей – разума и знания – координации с верой и интуицией). А поскольку такое взаимодействие осуществляется в форме философского диалога-традиции, то в нем не может игнорироваться и исторический и жизненный контекст создания этой программы, и тем самым – историко-философский ее анализ. В философском диалоге-традиции не следует сводить ни Другого, ни самого себя ни к чистой абстракции, ни к только историческому проявлению (тут можно

модифицировать одну из формулировок категорического императива, – «относись и к себе, и к Другому как к самозначимым и взаимно важным»).